

НЕ ТОРОПИТЕСЬ СМЕЯТЬСЯ!

21.01.93 Артисту Николаю ИВАНОВУ завтра — 50...

Сцена. — Санкт-Петербург. — 1993. — 21 янв. — с. 6

По дороге в ТЮЗ на «Маленького принца» мне удалось купить хлеба, и он помешал сосредоточиться на зрелище. Буханка, выпирая из сумки, разрушала не только театраль- ный наряд, но и театральные впечатления: надеть нечего, за телефон не заплачено, а годы уходят, и даже Коле Ивано- ву — долговязому Летчику, что с небрежной грацией легко подтянулся на трапеции, — даже Коле Иванову уже пятьдесят. Народному артисту Николаю Николаевичу Ивано- ву, кумиру не одного поколения тюзовских зрителей, чей телефон среди поклонниц когда-то передавался за 3 рубля.

— Коля, а сколько он те- перь стоит? — спрашиваю, еще не отрешившись от философ- ских переживаний.

— Понятия не имею. Чего- нибудь стоит, раз звонят и трубки вешают. А... спектакль- то как?

— Не знаю. Я сто лет не была в театре, и меня порази- ли самые, наверно, очевидные вещи: чистый планшет и зад- ники, бесшумно распахивают- ся люки и вовремя вступает музыка. Актеры вроде работа- ют всерьез, а не отбывают но- мер. Я думала, что культура ушла и из театра тоже.

Да ну, Коля, Николай Нико- лаевич, что культура — годы уходят. Давайте поговорим про них и про жизнь.

— Давайте. А то я с опас- кой отношусь к журналистам, критикам.

Почему их не интересуют творческие планы театра? За- то кляузное дело подадут с превеликим удовольствием!

— Но ведь и вас в свое вре- мя затянуло кляузное дело, и вас повлекло на баррикады.

— Что же оставалось? Я хо- чу, люблю и, надеюсь, могу играть. А тут привозят ребят на автобусе из области — но их вместо спектакля встреча- ют забастовщики с транспара- нтами. Стачком во главе с бывшим милиционером — планшетником, срочно воз- веденным в мастера цеха...

Скучно об этом рассказы- вать. Весь сыр-бор загорелся из-за того, что наш бывший директор вознамерился стать первым лицом в ТЮЗе — ре- шил через голову главрежа заключить с комитетом мэрии

по культуре договор на худо- жественное руководство театр- ом. Многие оказались втяну- ты в эту борьбу, как сейчас водится, не потому, что были против Андреева — главного режиссера, а просто надея- лись, что директор скорее по- может выбраться из нищеты. Также бред — ему плевать было на театр, он постоянно вершил свои дела где-то на стороне...

— А может, некоторых втя- нуло в борьбу желание воскре- сить традиции ТЮЗа времен Корогодского?

— Положим, Зиновия Яков- левичу тоже доставалось ког- да-то за измену традициям Брянцева. Что ни говорите, а она все-таки течет — река, в которую не вступишь два-жды и Корогодский, как умный человек, отлично это понима- ет. Он, без дураков, большой мастер, прекрасно владеющий школой, я 25 лет с ним прора- ботал, не выпадаю из репер- туара. Работал бы и сейчас — конечно, со скандалами, с об- щением на репетиции через третьих лиц — «скажите ему» — и такое бывало... Работал бы.

Но к чести Андреева скажу — он не уничтожил ни одного спектакля Корогодского, иные просто умерли естественной смертью... И вообще, по-мое- му, театру повезло с Андрее- вым. Это человек с романти- ческим мироощущением, вклю- бленный в сказку. И пришел он на нашу выжженную зем-

лю один, без команды, кото- рую обычно приводят главре- жи, — стал набирать коман- ду из нас же.

Он не интриган и не полити- кан. Не увлекается сплетнями, дрызгами. Великий человек по части этикета. Тут говорит мне: «Простите, Коля, я был груб». С ума сойти. Когда? Очень мягкий, интеллигентный, дели- катный — вот точное, почти забытое слово!

— Но, насколько я знаю, су- ществует суждение, что глав- ный режиссер — это особая профессия, которой как раз противопоказаны мягкость, деликатность. Разделяй и власт- вуй — иначе сожрут.

— Это суждение внедрялось в рабское сознание тиранами. Тиранов оно устраивало, пото- му что делало их власть неог- раниченной, а рабов устраива- ло тоже, давая возможность выжить не за счет професси- ональных качеств, а за счет чего-то другого — умения молчать, терпеть, служить. Ведь нет более зависимого су- щества, чем актер. Тебя могут шантажировать чем угодно: опозданием, запахом...

— То есть?

— У нас даже действовала система индивидуального по- ноха. Облобызает тебя на- чальство при встрече — не спеши воодушевляться: это не поцелуй — это индивидуаль- ный понох. А потом вызывает в кабинет: я пока не сообщаю в партбюро, но учти, от тебя пахло. Если повторится...

— И что же, уличенные за- вязывали с выпивкой?

— Конечно, нет. У меня бы- вало в месяц по 32 спектакля — 32 главные роли. Я дико ус- тавал, и душа требовала соот- ветствующей компенсации.

Если вам интересно, можете написать, а можете и не пи- сать — мне все равно, но своей последней грамм я выпил шесть лет назад. После «рыка тигра», как это называется на

Востоке — то есть после жут- кой пьянки с неприцельной пальбой и последующей амне- зией. Наутро пришел сдавать- ся Андрееву — причем в страхе и ужасе не перед ним, а перед содеянным. И, как го- варивали встарь, коллектив во главе с главрежем мне пове- рили, за что им всем огром- ное спасибо. И еще спасибо доктору Семенову, который с неделю колол меня витамина- ми, а потом отпустил с миром: никакой ты не алкоголик.

— Значит, вы не можете вы- пить ни грамма?

— Совсем другое! Не хочу. Есть люди, которым вшивают ампулу, и они с зубовным скрежетом считают дни, когда это мучение кончится, а я не хочу. Я свободен.

— Коля, мне все-таки хочет- ся еще поспрашивать про теат- ральные дела. Каюсь, я нико- гда не была поклонницей театр- а, где не существовало неза- менимых актеров: «Сегодня Гамлета играешь, а завтра ты — простой статист, но в каж- дой роли ты артист» и так да- лее. Пели и танцевали все лучше — играли все хуже, за- что, по-моему, расплачиваемся уже сейчас. И не видно инди- видуальностей, подобных Вол- ковой, Шурановой, Хочинскому, подобных вам, Ирине Соколо- вой, Юре Овсянко...

— Мощно излагаете, хотя и говорите, что сто лет не бы- ли в театре. Но я же тюзов- ский артист, а это предполагает студиное существование — когда выходишь то статистом, то Гамлетом. Когда каждый день что-то другое. «Наш цирк», например, мы играли с упоением, он был весь постро- ен на шутках, горячо люби- мых изнутри, и в каждом спектакле все менялось, как стеклышки в калейдоскопе.

А когда уехал Тараторкин, мы вернулись к тому «Борису Годунову», каким он задумы- вался, — я играл одновременно и Бориса, и Самозван-

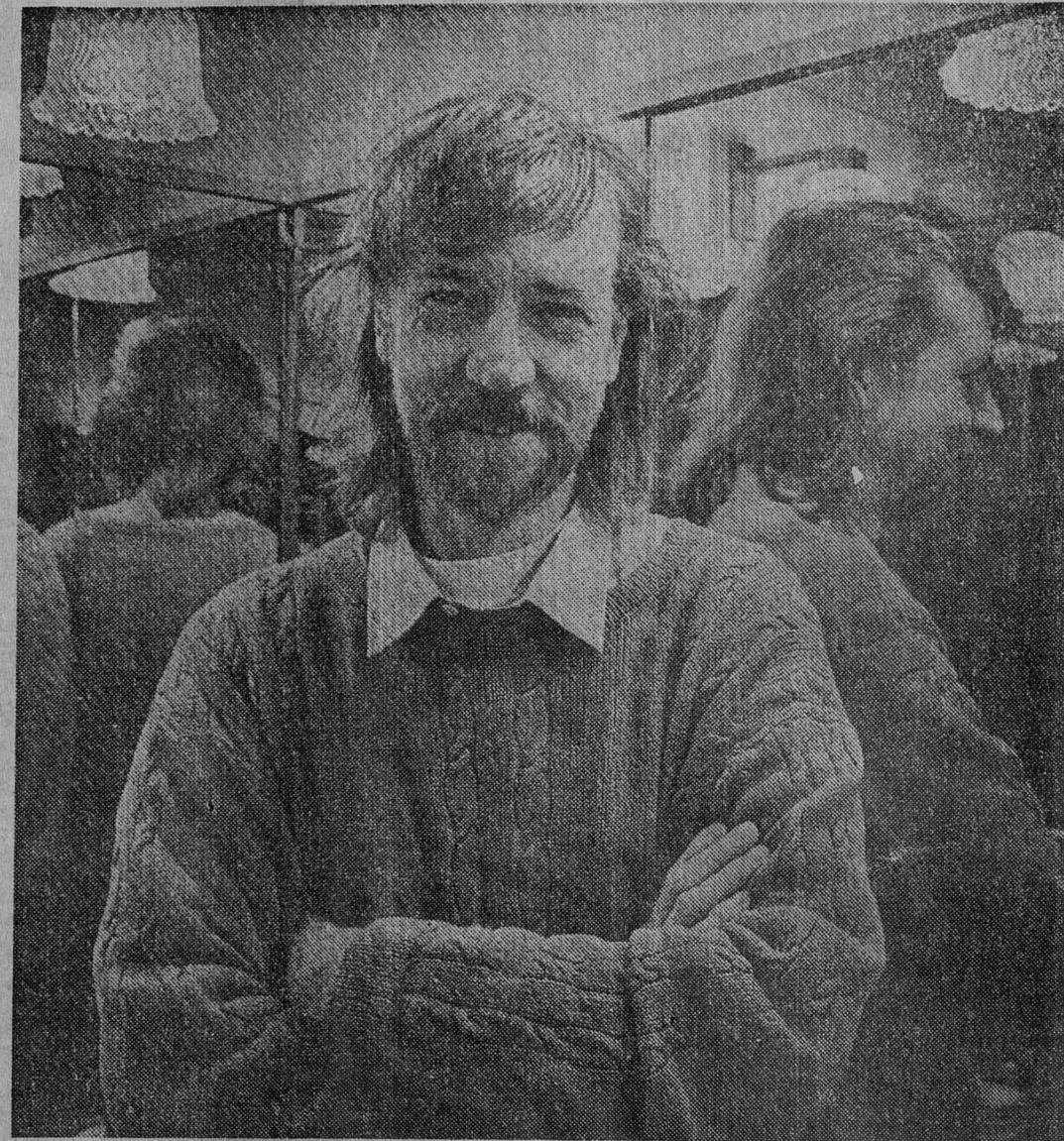
ца. Конечно, это был больше эксперимент над самим собой, но если такие роли не попро- бовать...

За роль я никогда не дра- ся. Не хотел уподобляться да- ме, предлагающей себя на уг- лу с ключиком на пальце. Ес- ли никто не берет — значит, сама виновата. В этом смыс- ле меня всегда угнетали ак- терские посиделки — разго- вор обязательно сводился к театру и перечню бед и обид. И чуть что: тебе хоро- шо говорить, у тебя роли!

— Конечно, вам хорошо го- ворить, у вас роли. Даже в кино и телесериалах. «Россия молодая» чего стоит. А «Веч- ный зов»? В этом парне, Иване, который по социально-идеоло- гическому трафарету противо- поставлялся нехорошему брату, благородно влюблялся, отваж- но воевал и возвращался воз- родить родной колхоз предсе- дателем, за всей пропагандист- ской шелухой и дребеденью было что-то живое. Воплоще- ние великой режиссерской мечты: всамделишный соци- альный герой, вызывающий всамделишное сочувствие.

— Ну не знаю. Я тоже люб- лю эту роль, хотя потом год расплачивался за Госпремию — 400 рублей, под которые наделал кучу долгов. Я все свои роли люблю — а их больше семидесяти. Знаю за собой этот грех — грех лице- действа, когда очень хочется вылезти на сцену. Сегодня — в «Комедии ошибок», а завтра — в «Эквусе» Шеффера или «Ронье» дочери разбойника» Линдгрена. Но со словом вроде научился обращаться, почувст- вовать его, совсем недавно — лет пять назад.

И еще балдею от тюзовской публики — мне бы, наверно, было скучно играть только перед взрослыми. Они не умеют так молниеносно, как дети, включаться в игру. Люб- лю даже испорченный — куль-

походный — зал, когда пуб- лика чувствует себя все в том же классе, только учитель да- леко, и можно воссю хулига- нить без риска получить указ- кой по башке. В таком зале я молодец — я просто забираю их своей силой, включая вме- сто 220 вольт 520. И тогда они мои, без всякого битья по башке.

Конечно, кризис, конечно, развал... Мне с моей высшей

высшей категорией доплачива- ют около половины оклада, чтобы набежало 6 тысяч — бешеные деньги. Но ничего не могу с собой поделать — я счастлив. Я счастливый чело- век. Ну чего вы смеетесь? Не торопитесь смеяться...

Я вспомнила — так говорил дядя Шура из «Трень-брень». И еще вспомнила, как после «Маленького принца», когда пыталась запихнуть хлеб в

сумку, чтобы в приличном ви- де явиться на интервью, к си- девшим рядом со мной маме с сыном лет десяти подошел мальчонка того же возраста: «Ну и наревелся я!» — «И мы тоже», — вытирая глаза, от- ветила милая, не ахти как прикинутая мама.

Елена ЕВГРАФОВА

Фото Петра УДЕЛЬНОГО